

Алесь Кожедуб

С Виктором СЛИПЕНЧУКОМ мы учились на Высших литературных курсах при Литературном институте имени М. Горького в 1983–1985 годах. Было это давно, и есть необходимость подробнее рассказать об этих курсах. Учились на них члены Союза писателей из разных уголков СССР. Стипендия – 200 рублей, отдельная комната в общежитии – жизнь слушателей курсов немного отличалась от студенческой. Среди слушателей были поэты и прозаики из Украины, Литвы, Молдавии, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Армении плюс два монгола. Но большинство были из разных концов необъятной России.

В ИКТОР Слипенчук приехал из Барнаула. Мы с ним брали уроки писательского мастерства на семинаре прозы сначала под руководством Семёна Шуртакова, затем Эрнста Сафонова.

В те времена стать членом Союза писателей было непросто, поэтому слушатели, как правило, были уже состоявшимися писателями, как тогда говорили, с судьбой за плечами. И возрастом они были далеко не юнцы.

Долгое время я считал Виктора Слипенчука прозаиком. Он и внешне был им: с бородой и внимательным взглядом прищуренных глаз. «Со мной не забалуешь», – говорил этот взгляд.

А о судьбе и говорить нечего. Геологоразведчик, рабочий, зоотехник, моряк, рыбовод, строитель, журналист. «Моё время, – писал В. Слипенчук, – это время полёта Гагарина и героических лозунгов. «Свободу Манолису Глезосу!», «Наше будущее – в наших руках», «Хороший писатель – хорошая биография». И так далее, и так далее... Лозунги сопровождали всю жизнь, зачастую воспринимал их как постулаты. Отсюда и биография...»

Я на десять лет младше Виктора Слипенчука, но тоже был знаком с таёжно-целинной романтикой. После окончания университета я уехал по распределению работать в сельскую школу и, слушая вечерами радио, отчаянно завидовал тем, кто работал на комсомольских стройках или плавал на рыболовных траулерах. А Виктор Слипенчук отменился и там и там. С 1971 по 1974 год он ходил на БМРТ «50 лет ВЛКСМ», «Надеждинск» и СБМРТ «Давыдов». С 1976 по 1983 год – работал на Всесоюзной ударной комсомольской стройке Алтайского коксохимического завода.

И при этом писал стихи. В 14 лет Слипенчук опубликовал первое стихотворение в районной газете «Черниговский колхозник», что в Приморском крае. В 1966 году – участник совещания молодых писателей Урала и

Сибири (семинара Ярослава Смелякова). Именно Смеляков написал напутственное слово, когда стихотворение «Барабанщик» было напечатано в «Литературной России».

*Наш ротный барабанщик
Такой большой чудак,
Наш ротный барабанщик
С улыбкою всегда.
Наш ротный барабанщик
С усиками-клин,
Наш ротный барабанщик
Лёва-армянин.
И то, что плохо знает
Он наш язык, – обман.
Его мы понимаем,
Играл бы барабан.
Его мы понимаем,
И если он в строю,
То нашу роту просто
По шагу узнают.
Но иногда в субботу,
В час отдыха солдат,
Вдруг загрузит о чём-то
И словно виноват...
И словно в барабане
Вся грусть его живёт,
Встряхнёт его, ударит
И тихо запоёт.
Слова, нам непонятные,
На ротном барабане
Ясность обретают.
И слышно, как устало
В далёком Ереване
Яблоко упало.
Яблоко упало,
Скатилось под окно,
А молодой хозяин
В армии давно.
И мы грустим о доме,
Каждый о своём.
И слова Армении
По-русски мы поём.
А завтра утром снова,
Заря чуть зацветёт,
Наш барабанщик Лёва
Вдоль плаца поведёт.
И то, что плохо знает
Он наш язык, – обман.
Его мы понимаем,
Играл бы барабан.*

Однако книга стихов «Свет времени», которая в этом году вышла уже четвёртым изданием, открывается не этими стихами. В предисловии к ней автор пи-

шет: «Это мой первый поэтический сборник, основу которого составили стихи 1963–1968 годов. Что касается стихов, написанных в другое время, – они обозначены соответствующей датой. В четвёртое издание в разделы «Барабанщик», «Розы и машины», «Герой дня» включены новые стихи. И ещё – сборник дополнен разделами «Мир большой», «Гавририада», «Белая птица», в которые вошли произведения последних лет».

Первый раздел сборника «Свет времени» открывают стихи «Здравствуй, простор широкий».

*Сидел я на обочине дороги,
Среди полей, угасших без воды,
И длинный день,
Как порожняк, в итоге
Бесславно уходил из Кулунды.*

*Районный «газик»
Пропылл стороной.
Я видел озабоченные лица
И не заметил сразу жеребёнка,
Явившегося вместе с кобылицей.*

*Они шагали медленно и грустно,
И кобылица глаз не поднимала,
Хоть обещанье сына –
Быть послушным –
Она, как мать, всецело одобряла.*

*Ей было стыдно
За свои бега,
Ведь не она ль ребёнку обещала
Сводить его на сочные луга,
Где в молодость свою она гуляла.*

*Откуда знать ей было, кобылице,
Про новую политику страны,
Про орден
В председательской петлице –
За освоенье трудной целины.*

*Они прошли,
Остановились – дважды,
Она глядела вдоль межи.
Потом заржала тихо и протяжно,
Как будто вопрошала – подскажи.
Ты ж – человек,
Ты понимаешь больше...
И уронила крупную слезу.
Как объяснить ей,
Что и я – лишь лошадь,
В политике, которую везу.*

А следом – стихотворение «Человека пытали в застенках советских...»

*Человека пытали
В застенках советских –
Заставляли признаться в измене.
А на улице май встрепенулся
на ветках
Узким листиком сонных растений.*

*Человеку казалось,
Что всё это бред –
Люди в форме, звёзды, винтовки,
Но зачем-то лежал на столе
партбилет,
Славный отблеск далёкой маёвки.*

*Человек улыбнулся,
В ресницах глаз
Шевельнулась слеза, оживая, –
В первый раз он не мог,
В первый раз,
В первый раз!
Он не встретил Первое мая.*

*Человека толкнули прикладом
в плечо,
Мотыльки засверкали, как ливень, –
У нас могут,
Могут ещё
По-кулачки врагов ненавидеть.*

*Только он, Человек,
Вышел сам на бугор
И теперь не боится упасть,
И Советская власть стреляла
в упор*

*В Человека,
В Советскую власть!*

*В этом месте
Пионы сейчас зацвели,
Их приходят школьники рвать,
И не знают они,
Да и знать не могли,
Как далась нам
Советская власть.*

Рядом со стихами – факсимильное воспроизведение ответа рецензента журнала «Сибирские огни» от 23 августа 1964 года: «Дорогой Виктор! Такие случаи были. Но писать об этом вот так ни к чему. В жизни было всё гораздо сложнее, и требуется более глубокое осмысление той трагической поры. Вспомните, что говорил на эту тему Н.С. Хрущёв, обращаясь к писателям».

Вот другое стихотворение.

Царь

*Какая всё же чепуха,
Нет-нет, так не годится –
Держать за крылья петуха
И говорить – жар-птица!*

*Но царь на то, наверно, царь.
Подальше – от греха...
Но как похожа эта тварь
У нас на петуха?!*

*Рискуют люди головой:
Хоть ты и царь – шалишь,
Но только правду под полой
От нас не утаишь.*

*А царь всю ночь опять не спал,
Томился от досады –
Он птицу счастья людям дал,
Чего ещё им надо?!*

Снова автограф рецензента журнала «Сибирские огни» от 23 августа 1964 года: «Не понимаю таких стихов! И не понимаю, почему такие стихи пишет 23-летний парень».

Как говорили тогда: «Товарищ не понимает». Здесь необходимо сказать, чем были литературные журналы в те самые советские времена. Чуть ли не с первых лет советской власти литературные журналы имели огромное значение. Именно в них заявляла о себе талантливая молодёжь. Публикация в журнале открывала двери в издательство, а это книги, гонорары, известность, в некоторых случаях – слава. Самые знаменитые журналы – «Новый мир», «Юность», «Наш современник», «Москва», «Дружба народов», «Октябрь», «Знамя» – выходили в столице. Но и в регионах были издания, о которых знала вся страна. «Сибирские огни», кстати, принадлежали к ним. И «непонимание» рецензента такого журнала стоило дорого.

Виктор Слипенчук приводит в книге ещё один автограф рецензента: «Уважаемый Виктор! К сожалению, подборка молодых, в которую я предполагал включить и Ваши стихи, не состоится. Не хочу Вас напрасно обнадёживать, стихи, оставленные Вами, возвращаю. Надеюсь, что где-то, в будущем,

Вы пришлёте нам новые стихи. С уважением зав. отделом поэзии А. Романов».

Я сам когда-то работал в литературном журнале, органе ЦК комсомола, и знаю, чем для автора чреват такой «отлуп» заводом Романова. Но и его можно понять.

Комсомолу

*Под будёновками чубы вспенены –
На портретах иная эпоха.
Комсомольцы, знавшие Ленина,
Нам сегодня без вас плохо.*

*Комсомол наш сейчас не у дел,
Нынче жирным стал комсомол,
Он от ваших геройских дел
Лишь оставил с графинчиком стол.*

*Стол, как прежде, накрыт кумачом,
Хотя здесь он совсем ни при чём.*

*Постарел комсомол, постарел –
Напрокат всем кумач, как камзол,
А ведь раньше шли в комсомол –
Равносильно, что шли на расстрел.*

*Комсомольцы, покиньте портреты,
Нас в Магнитку введите, как в Храм.
Нужно цену поднять комбилету –
Помогите,
отцы,
нам.*

*Но портреты живой революции
По райкомам висят
для проката,
И под ними строчат резолюции
Начинающие бюрократы.*

Всё правильно, молодой советский поэт Виктор Слипенчук был не совсем советским поэтом. А может, и совсем не советским. По мне, слово «поэт» в данном случае является вполне самостоятельным без всяких дополнительных определений.

Баба-яга

*По деревне – ах, что такое?!
Над сугробами – в дым снега,
Там, где шоркнет своей метлою
Развесёлая баба-яга.*

*Как несётся, как завывает –
Аж пронизывает насквозь!
Завывает, с дорог сбивает –
Баба-эх! – Оторви да брось!*

*Отчего она так веселится?
Не боится – о, вражий дух!
А кого ей бояться? – Милиции –
Из детей, стариков и старух?!*

*Молодёжь-то в деревне не сыщешь,
С электричеством не найдёшь.
Молодёжьью деревни – нищи,
Нынче в городе молодёжь.*

*Вот и носится, и завывает:
Новоселье – веселья ночка!
Дом ещё один забывают,
И причём не на курьих ножках.*

*Что ж ты, молодость,
уступаешь?
Удираешь?*

Бежишь? –

Беги!

*Но зачем в комсомол вступаешь,
Ты ж боишься бабы-яги?*

Виктору Слипенчуку в какой-то мере повезло, что он писал свои стихи в годы так называемой оттепели. Кстати, он может смело причислять себя к «ше-

И О СЕБЕ

стидесятникам», которых тогда возглавляли Евтушенко, Вознесенский, Окуджава и иже с ними. Была официальная поэзия, а была и другая, с ярко выраженным устремлением к правде.

Виктор Слипенчук был участником совещания молодых писателей Урала и Сибири, его отметил сам Ярослав Смеляков. Это был очень уважаемый поэт в мире литературы. Трижды репрессированный, Смеляков хорошо знал цену слова правды. Слипенчук тоже знал, но писал так, как велело сердце.

*Друзья мои, мне очень трудно жить.
Молчанье стало звонкою монетой —
Я получаю с песни недопетой,
Вернее, с той — что не посмел
сложить.*

*Друзья мои, печален мой предел.
И очевидно, надо жить иначе,
Чтоб в золоте, которое я трачу,
Не слышать песни той —
что не посмел...*

В 1982 году Виктора Слипенчука приняли в Союз писателей. Ответственно заявляю: в те времена случайных людей в этот пресловутый Союз не принимали. Но у Виктора Слипенчука была своя история вступления. В 1977 году он взял рекомендации у дальневосточного писателя Георгия Халилецкого, алтайца Ивана Кудинова и белоруса Василя Быкова. Причём у последнего Иван Кудинов брать эту рекомендацию не советовал. «Почему?» — «Не любят его литературные генералы».

Но Виктор послал Быкову две свои книги и через неделю получил ответ: «Уважаемый Виктор Трифионович! Прочитал ваши обе книжки и с удовольствием посылаю Вам рекомендацию. Из книг становится сов. очевидно, что человек Вы талантливый, пишете хорошо, читать Вас просто интересно даже о таких вещах, о которых у другого автора я бы не стал читать... Желаю Вам успешно пройти через все приёмные рогаки...»

В Барнаульской писательской организации Виктора Слипенчука в Союз приняли, а в Москве отказали. Литгенералы действительно тогда боролись с Василём Быковым, и молодой алтайский поэт почувствовал это на себе.

В 1982 году документы на вступление в Союз писателей были отправлены в Москву повторно, и Виктор Слипенчук стал полноправным членом СП СССР. В 1983 году он отправился в Москву на ВЛК, где мы с ним и познакомились.

Однако история с Быковым на этом не закончилась. Я тоже знал Василя Быкова. Когда я вступал в Союз писателей в Минске, он был председателем бюро прозы СП Белоруссии. И я отнюдь не удивился, что в двухтысячном году ко мне в издательство «Советский писатель» пришёл В. Слипенчук и предложил издать повести В. Быкова.

— Я сам буду составителем сборника, — сказал он. — Деньги на издание я найду. Быков ведь давно в Москве не издавался?
— Давно, — согласился я. — Как назовём книгу?

— «Его батальон». Это было хорошее название. Знаменитые повести Быкова и были батальоном, которым он командовал.

Книга вышла в хорошем полиграфическом исполнении, и мы с Виктором отвезли её во Франкфурт-на-Майне, где Быков тогда жил.

— Даже гонорар заплатили — расчувствовался Василь Владимирович. — Всё-таки чудеса в жизни бывают.

Похоже, Василь Быков меньше других писателей в эти самые чудеса верил.

Там, в Германии, Виктор Слипенчук и Василь Быков много времени провели в беседах наедине. Им, конечно, было что вспомнить. Они были разные писатели, — и очень похожие. Для обоих дороже всего было слово правды.

Но вернёмся к поэзии.

*Жизнь течёт, и уходят друзья,
И иначе, наверно, нельзя.*

*И для каждого есть этот путь —
Мы ведь тоже когда-нибудь...*

*Я стою среди надгробий немых,
Как-то странно сугробы
подтаивают,
Может, мёртвые дышат на них,
Только это от нас утаивают?!*

*Потому что не может быть,
Чтобы друг мой умер совсем,
Ведь он жизнь так умел любить,
Как дано это нам не всем!*

*Жизнь течёт — капли падают с плит.
Знай, дружище, что ты не забыт.
Жизнь течёт, жизнь течёт даже
здесь —
Значит, что-то живое в вас есть.*

*Мне ж за это ещё воевать,
Мне ж за это ещё умирать —
Чтобы так же ранней весной
Приходил кто-то близкий ко мне
Ощутить, что я тоже живой,
Что я в жизни, что я на войне.*

Я читал книгу Виктора Слипенчука «Свет времени», и меня не покидало ощущение, что передо мной своеобразный портрет времени. Книга состоит из девяти разделов, и каждый из них соответствует определённому этапу в жизни Виктора Слипенчука: детство и юность, служба в армии, работа в морях, стройки...

Самые пронзительные стихи, как мне кажется, в разделе «Белая птица», в который вошли произведения последних лет.

Белая птица

*Чудесная белая птица,
Ей одиноко одной.
Она на карниз садится
И тихо следит за мной.*

*В заоблачной дальней дали,
Где море голубизны,
Мы с нею вдвоём летали —
Там царствуют наши сны.*

*На самом высоком месте —
Единственное из гнёзд —
Мы свили с любимой вместе
На рукаве из звёзд.*

*Скажи, как живёшь, родная,
Птица моей мечты?
— В разлуке с тобой одна я
И знаю — один и ты.*

*И птица моя улетает.
И горестно мне на земле!
И, словно слеза, мерцает,
Звезда на оконном стекле.*

Виктор Слипенчук вспоминает многих своих друзей, которых уже нет рядом, но особые слова он находит для своих литературных наставников.

*Читаю стихи Смелякова,
Читаю стихи.
Сработаны крепко, слово
Без всяческой чепухи.
Я радуюсь им в надежде,
Что на закате дня
И сам напишу однажды
Такие, что прозвонят.
Ура, Смеляков, и всё же
За радостью — грусть в груди,
Насколько его моложе —
Настолько он впереди.*

А эти стихи о нашем с ним наставнике Эрнсте Ивановиче Сафонове, которого мы любили по настоящему.

*В Литинституте, под плафоном,
На подоконник опершись,
Советовал мне Эрнст Сафонов:
Чтобы там ни было — держись.*

Тут дело не в прокуратуре,
А креатуре дел. И впрдь —
Приходит волк в овечьей шкуре,
А ты его в тигровой встреть.*

*О, эти суды-пересуды!
Отчаиваться не спеши —
Не по предательству Иуды
Несём мы крест своей души.*

*Поэт всегда как искупленье,
Поэт всегда один как перст.
К нему нисходит вдохновенье,
Когда несёт он Божий крест.*

*Не надо никогда сдаваться —
Путь вышний неисповедим.*

* Подписка о невъезде автора (1983–1985).

*Поэту надо состояться,
И он тогда — непобедим.*

*Ничто в том не было мне внове —
Я был один, один, как перст,
Но приходили силы в слове,
Что приводил Сафонов Эрнст.*

В 2007 году, уже зрелым человеком, Виктор Слипенчук написал стихи о своей родной Черниговке в Приморском крае.

*Синеют сопки, даль дымится,
И птичий гомон у ручья.
Вода искрится, серебрится —
Здесь начиналась жизнь моя.*

*Аэродром, и автострада,
И лес, и трели соловья,
Шатры из листьев винограда —
Здесь начиналась жизнь моя.*

*Как много солнца у колодца?!
Мы обливаемся — друзья,
А сердце бьётся и смеётся —
Здесь начиналась жизнь моя.*

*В прогалах лунных лукоморье —
Плывёт волшебная ладья.
И даль, и близь сошлись — Приморье —
Здесь начиналась жизнь моя.*

*Алеет небо, звёзды гаснут,
Вновь птички трели у ручья.
И верю, что не понапрасну
Здесь начиналась жизнь моя.*

На меня они произвели особое впечатление, наверно, потому, что мне, пишущему сейчас эти строки, тоже шестьдесят шесть лет. Много это или мало? Говорят, это зависит от собственного мироощущения. Может быть. Да, мы лучше многих других знаем о бренности земной жизни, и подвидим итоги, и видим край света, который вон за тем углом... Но мне хочется, чтобы у Виктора Слипенчука была и следующая книга, и лучше, чтобы не одна.

Много стихов в книге посвящено детям и внукам. Но это и понятно: о них наша забота на склонах лет, они наша отрада и утеха.

Акварель Внучке Глафире

*А я не знал, что в мой апрель
Ты входил через акварель.
И всё утрачивает вес
В воздушной лёгкости небес.*

*Вот на траве твои следы,
Здесь поливала ты цветы.
А здесь ты просто так прошла —
На клумбе роза расцвела.*

*И трели птиц, и пруд, и луг,
И солнце, и цветы вокруг —
Лазурный Берег и весна
В дыханье золотого сна...*

*Мне кажется, что ты везде,
И всё же нет тебя нигде.
Наверно, эта акварель
Тебя ввела не в мой апрель?!*

*В моём апреле снег с дождём,
Зато всегда мы там вдвоём.
Ты зябнешь в лёгком пальтеце
С улыбкой счастья на лице...*

*А я дышу в твою ладонь —
В моей груди сплошной огонь.
Мы влюблены в иной апрель —
Должна другой быть акварель.*

Особо хочется сказать об оформлении книги. В основном она проиллюстрирована работами художника А. Дерябкина, но есть там работы и неизвестного автора, и японского художника девятнадцатого века Андо Хирошиге, и семилетней Марфы Панченко, и других авторов. Все они из коллекции Михаила Слипенчука, сына автора. Вкупе они формируют неповторимый облик книги, которую хочется не только читать, но и рассматривать.

Думается, как всякая настоящая поэзия, «Свет времени» Виктора Слипенчука будет переиздаваться ещё и ещё.

Уходит поколение моё

*Уходит поколение моё,
Я никого уже не обличаю
И недругов с улыбкою встречаю
За то, что помнят прошлое житьё.*

*За то, что помнят, кто мои друзья,
Кто с ними бился насмерть
вдохновенно.*

*Проходит всё — лишь время —
неизменно,
И отделить нас от него нельзя.*

*На кладбище, как просеке лесной,
Со мною прежний недруг оказался —
Он сильным был, его я опасался,
А ныне завершаем путь земной.*

*Я помню взгляд и выраженье глаз,
Таящих радость от случайной
встречи, —
Там не о нас произносились речи,
Но мы с ним понимали — речь о нас.*

*О том, что пролетели наши дни,
И мы уйдём несолоно хлебавши,
Свою страну навеки потерявши,
В другой стране остались мы одни.*

*Выходит, чтоб страну свою сберечь,
Нужна нам не вражда, а уваженье!
В небытие уходит поколенья,
И в ножны вложен смертоносный меч.*

Именно так: в двадцать первом веке человеку должно хватить ума, чтобы смертоносный меч вложить в ножны.

Алесь КОЖЕДУБ,
лауреат Шолоховской (2006)
и Бунинской (2012)
литературных премий,
премии «Золотое перо Руси»
(2017)